ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МУСТАЯ КАРИМА «ДОЛГОЕ-ДОЛГОЕ ДЕТСТВО» («ОҖОН-ОҖАК БАЛА САК»))

© Г. М. Гимашева

Баширский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Тел.: +7 (347) 272 33 82.

Email: saginbaeva.guldaniya@mail.ru

В работе рассматривается языковая личность в когнитивной лингвистике (на примере произведения Мустая Карима «Долгое-долгое детство» («ОҖон-оҖак бала сак»). На основе лингвокультурного анализа исследуются языковые единицы как выражение самобытности, которая представляет сплав фольклорно-диалектных, фразеологических компонентов, пословиц и поговорок, позволяющих автору изобразить национальный характер башкирского народа. Приведены примеры, которые раскрывают мировоззрение, миропонимание, внутренний мир героев. Таким образом, М. Карим использует и фольклорные, и художественно-языковые средства, которые отражают социально-бытовые и национальные характеристики героев.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая личность, когнитивная лингвистика, башкирское языкознание, Мустай Карим, менталитет.

Введение

Базовое понятие «языковая личность» является объектом исследования таких разделов науки о языке, как психолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лингводидактика, лингвистика текста, этнолингвистика и др.

Под языковой личностью понимается носитель языка или же представитель нации, который способен реализовать в речи совокупность лексем и языковых средств, характеризующих данную часть социальной группы и языкового коллектива (социальную группу) в определенный промежуток времени или эпохи. Итак, выделяются типы языковой личности из языкового коллектива. На основе исследования раскрываются возраст, пол, профессия, социальное положение, материальное и духовное состояния, внешний вид, предназначение и функции.

Психолингвистика позволяет рассмотреть речевое поведение образов (героев) и их психологические особенности (Г. Н. Беспмятнова, В. И. Карасик, М. А. Гусева и др.).

Отечественный лингвист В. В. Виноградов впервые анализирует языковую личность на материале художественных произведений. В научных трудах Ю. Д. Апресяна, Ю. Н. Караулова, Н. Н. Розановой, Г. И. Богина, В. Г. Гака, В. И. Шаховского, Г. И. Берестнева и других исследователей достаточно хорошо разработано данное понятие.

Понятие языковой личности Г. И. Богин рассматривает как модель определенной языковой личности. Именно человек «как представитель нации и носитель языка производит речевые поведение и поступки, создает и принимает произведения речевой деятельности» [5]. Ю. Н. Караулов считает, что языковая личность – это человек, кото-

рый обладает способностью воспринимать и создавать речевые произведения следующим образом:

- «а) точностью и глубиной отражения реальности;
- б) степенью языковой структуры;
- в) определенной целью и направленностью» [15].

Уровень языковой личности проявляется в национально-культурной специфике носителя языка и представителя нации, также в национально-культурной специфике его речевой деятельности. Языковая личность как вид представления личности раскрывает психические, социальные, этические, национальные и другие компоненты, отраженные в языке и ее дискурсе.

Результаты и их обсуждение

В рамках данной статьи представляется актуальным рассмотрение языковой личности на примере произведения Мустая Карима «ОҖон-оҖак бала сак» («Долгое-долгое детство»).

Не случаен и выбор автора произведения. Мустай Карим является великим башкирским поэтом, писателем, драматургом, публицистом. Творчество М. Карима стало олицетворением башкирской литературы и всей республики Башкортостан.

Проза Мустая Карима – это глубокое исследование башкирского характера. Как известно, национальный характер раскрывается через поведение и поступки человека.

Языковая личность в произведении национально специфична. Местные жители знают друг друга больше по прозвищам, нежели по именам. Например: *Кара Йомагол, Арҗыры баш Хәмитйән, Кендек, Буран Абдулла Шәрифәһе, Тыныш Валетдин, Исхәндәр Ибраһы, Төлкө Шәйхаттар* и др., говорящие и о цвете кожи (смуглый), и о форме

головы (поперечная), и о полноте тела, и о чертах характера (хитрый и вспыльчивый).

Оло инэй – Старшая мать главного героя является местной повитухой, очень уважаемой женщиной в деревне: «Минең Оло инэйемде «кендек әбейе», ә үземде «кендек бабайы» – тип йөрәтәләр» (досл.: Мою старшую мать в селе называют старушкой повитухой, а меня – ее старцем-пупом) [16, с. 9]. Кендек сильно привязан к ней, поэтому сопровождает ее повсюду и знает свое положение и привилегии среди других людей:

«Үз дәряжәмде, урынымды якиш беләмен (досл.: «Я хорошо знаю свое место и положение среди других) – мин кендек әбейең улымын (досл.: ведь я являюсь сыном повитухи). Вак-төйәккә җысылып бармайым (досл.: Я не вмешиваюсь в дела других)» [16, с. 10].

У мальчика есть и Младшая мать – Кесе инэй, которая является ему родной. Согласно мусульманским традициям, отец героя женат на двух женщинах, которых дети называют «Оло инэй» («Старшая мать») и «Кесе инэй» («Младшая мать»), проявляя к ним глубокое почтение.

Рождение новой жизни – очень сакральный и трепетный момент и для главного героя. Этому посвящена даже отдельная глава «Кеше тыузырыҗа» («Рождение человека»). Кендек наблюдает, какие обычаи соблюдаются при этом:

1) *Бына болдорға минең Оло инэйем-сыгып барты* (досл.: На крыльцо вышла моя Старшая мать).

– *Һөйөнсө, Йомагол! – тине ул тораташ төсө, һелкенмәй ҙә* (досл.: Поздравляю, Юмагул! – сказала она, стоя неподвижно).

– *Кем бар! – Тегеһе һа тигәнсе Оло инэйемдең алдына килеп теҙләнде* (досл.: «Кто у меня родился? – Склонился он перед ней»).

– *Ике улың* (досл.: Двое сыновей).

– *Икәү?* (досл.: Двое?) *Бер юлымы?* (досл.: Одновременно?).

Ниңә икәү? (досл. Почему двое?)

Икенсеһе ни исемене? (досл.: Как второго назвать-то?)

Оло инэйем көлөп үк ебәрҙе: (досл.: Старшая мать засмеялась)

– *Исәр, берәүгә карағанда икәү якишыраҡ та...* (досл. Дурачок, двое же лучше, чем один).

Исеменә генә ҡалғас, уныһын табырһың инде (досл.: А имя найдется).

– *Әйе, әйе, якишыраҡ, икәү якишыраҡ.* (досл.: – Да, да, так лучше, двое – лучше, чем один!)

Исемен табырбыҙ. (досл.: А имя найдем).

Аллаһы әкбәр! (досл.: Слава Аллаху!)

– *Теҙләнгән көйө ул доға җылды* (досл. прочитал молитву).

– *Һөйөнсөһөнә, инэй, һиңә бер һарыҡ* (досл. Тетя, тебе за эту новость отдам барана!)

– *Арыҡ аттың күгәне киң, тиме. Шашма!* (досл.: У худого коня широкий зад, говорят). *Бер*

бәрәс бирһең, хаттин ашқан (досл.: Мне и ягненка хватит) [16, с. 15].

2) *Бына ниндәй һыйҙар менән хөрмәтләйҙәр яңы тыуған баланы!* (досл.: Каждый старается, как может, а чего не найдет – берет в долг у другого. Вот как приветствуют новорожденного!) [16, с. 16].

3) *Был күркәм тормошто тик бер генә нәмә боҙа.* (досл.: Эту прекрасную картину портит только одна вещь).

Ул да буһа – бәпес мунсаһы. (досл.: И это – баня для новорожденного).

Бала тыугас, көн һайын мунса яғалар. (досл.: Когда рождается малыш, каждый день топится баня).

Оло инэйем хозайһың биргән һәр көнөндә, башҡалар инеп сыҡҡас, мине алып барып мунса саба. (досл.: Моя Старшая мать каждый божий день купает меня и парит веником в ней).

Үсәрһең, ти. (досл.: Говорит, быстрее вырастешь).

Җыйын буһа ла түҙергә тура килә. (досл.: Приходится терпеть).

Бер җыйындың мең рәхәте бар. (досл.: Один раз помучаешься, а потом наступает благодать снова).

Мунсанан ҡайтҡас, без йәнә түр башына менеп ҡунаҡлайбыҙ. (досл.: После бани нас снова угощают чаем с вкусоностями) [16, с. 16].

В приведенных фрагментах описывается процесс языкового диалогового общения, где реализуется национальный характер: Кара Юмагул не верит своему счастью – рождению двойни и в знак благодарности повитухе обещает двух баранов; матери и новорожденным малышам вся родня и соседи приносят гостинцы; ежедневно по обычаю топится специальная баня – «Бәпес мунсаһы». Все описания и диалоги ярко окрашены фразеологизмами и поговорками: *берәүгә карағанда икәү якишыраҡ та; исеменә генә ҡалғас, уныһын табырһың инде; йәнә түр башына менеп ҡунаҡлайбыҙ; арыҡ аттың күгәне киң; хозайһың биргән һәр көнөндә; бер җыйындың мең рәхәте бар* (досл.: двое лучше одного; имя найдется; снова на почетном месте; у худого коня широкий зад; каждый божий день; один раз помучаешься – в тысячу раз будет лучше позже и др.).

Стоит отметить, что национально-культурная специфика этикетного общения предусматривает уважительное отношение не только к пожилым людям, но и заботу о младших:

Әле лә җулымды тығыуым булды, дәү генә ике өрөк усыма килеп тә эләкте (досл.: «Стоило мне засунуть руку в карман матери, как обнаружилось два больших урюка)

Береһен шунда уҗуртыма җыстырып ҡуйҙым (досл.: Один из них я сразу положил в рот).

Беҙҙә тәмле нәмәне бер юлы ғына ҡомһоҙланып ашай торған ғәҙәт юҡ (досл.: У нас

нет привычки мгновенного жадного поедания вкусности).

Без уны рэхәтләнен һурып кына йөрөйбөз (досл.: Мы едим с удовольствием и оттягиваем этот момент).

Уныһын, кайтҡас, һеңлем менән ҡустыма бүлөп бирермен (досл.: Его я поделю между младшими сестрой и братом) [16, с. 9].

Согласно башкирскому обычаю, также в гости приглашают, лично посетив и оповестив приглашенных, а приглашающему предоставляется почетное место в доме:

Кунакка саҡырыусы башта яйлап түргә уҙа, урындыкка ултыра (досл.: Приглашающий в гости сначала проходит в зал, садится на стул).

Ашыҡмай ғына доға ҡылалар (досл.: Не спеша читается молитва).

Йорт-ерҙең, мал-тыуарҙың именлеген һорашалар (досл.: Спрашивают о благополучии дома, об имеющейся скотине).

Хатта ул күрше буһын, барыбер һорашалар (досл.: Если даже это сосед, все равно спрашивают).

Шулай тейеш (досл.: Так положено).

Мин бының буш йола ғына түгеллеген бары үскәс аңланым (досл.: Я понял, только будучи взрослым, что это не пустой обычай).

Заметим, в произведении указывается и на различное социальное положение деревенских жителей: *Байҙар бал эсә, урта халдар һыра эсә, безҙең кеүек ярлылары мәкегә ятып һыу эсә* (досл.: Богатые пьют медовуху, средняки – пиво, а бедняки пьют воду из проруби). *Минең атайым һыра эсеүселәр ҡоронда* (досл.: Мой отец из круга, пьющих пиво) [16, с. 10].

В речи персонажей встречаются пословицы, поговорки, присловья, прибаутки, приговорки. Понятие языка и культурных особенностей находит широкое отражение в концептуальных словах и особенно в пословицах и поговорках, фразеологических единицах. Эти слова, словосочетания, уходя корнями в древние времена и сохраняясь до наших дней, позволяют оценить значимость событий, явлений и уровень сознания народа. Например, такие феномены, как поклонение хлебу, вера в Бога, исторические личности, письменность, мастерство и орудия труда, отчетливо изображают прошлое народа, а полученные знания и опыт передаются из поколения в поколение.

В отличие от других жанров народного творчества, пословицы и поговорки вводятся в речевой процесс для усиления, подтверждения или опровержения того или иного замысла. Их применение усиливает правдивость, мудрость, красноречивость, экспрессивность речи. Поэтому народ, почитая пословицы и поговорки, особо подчеркивает их значимость и жизненность, часто употребляя их в разговорной речи. Например:

1. – *Шул тиклем дә сихырлар икән берәүҙе берәү* (досл.: Как один может так заморозить другого).

– *Ирем киҫге – итем киҫге* (досл.: Частичка мужа – частичка моей плоти) [16, с. 10].

2. – *Ни ҡылһаң да – һин хакты, – һәр ҡайһыбыҙың үҙ хәҡикәте, үҙ иманы* (досл.: Что бы ты ни сделала – ты права, у каждой своя правда, своя вера) [16, с. 10].

3. – *Бау ул, ҡустым, донъяның тотҡаны* (досл.: Веревка – основа жизни) [16, с. 12].

4. *Бер ҡышҡа ҡуян тиреһе лә сыҙаған, тизәр* (досл.: Одну зиму и шкура зайца перетерпит) [16, с. 17].

5. *Үҙе әле ары – шауҡымы инде бире* (досл.: Праздника еще нет а его дуновение – здесь) [16, с. 21].

6. *«Ағас күрке япраҡ, әҙәм күрке сепрәк»*. (досл.: Дерево украшает его листва, а человека красит одежда) [16, с. 22].

7. *«Береһен төшөрмәй, икенсеһен күтәрәп булмай»*, – ти атайым (досл.: Не опуская одного, не поднимешь другого) [6, с. 2].

8. – *Ана шулай, күрә белгән күҙгә күренә ул* (досл.: Видящему глазу видна) [16, с. 26].

9. – *Талаҡ-бауырыңа ишфа булыр, эс, балам, эс*, – ти (досл.: Польнь – полезна и важна) [16, с. 34].

10. *«Мин элек тыуам, бәлки, һин белеп тыуғанһыңдыр»*, – ти атайым (досл.: Я родился раньше тебя, а ты, возможно, родился уже знающим) [16, с. 34].

11. *Яҙмыштан уҙмыш юҡ* (досл.: От судьбы не уйдешь) [16, с. 43].

Башкирские народные песни – это песни, где автором слов и мелодий является сам башкирский народ. Данный жанр создан самим народом, поэтому нет конкретного автора.

Песня – один из самых распространенных жанров башкирского музыкального искусства. В ней отражается поэтическая летопись самых важных и знаковых событий, история народа, целая эпоха, традиции наших предков, передававшиеся из поколения в поколение. В песнях воспеваются величие Родины, прославляются защитники-герои родной земли – батыры, передаются переживания, мировоззрение, радость, печаль и любовь народа.

Как известно, песня сопровождает человека во всех моментах его бытия. Песню исполняли и мужчины, ушедшие на войну и вернувшиеся с войны; и женщины, а также исполнялась она на праздниках и свадебных торжествах.

Песенная стихия является одним из существенных пластов в произведении писателя. Следовательно, песни усиливают эстетическую значимость художественного произведения. К примеру, башкирская народная песня «Ашкадар» о несчастной участи молодой женщины, муж которой, охотясь за бобрами, утонул в реке Ашкадар, в исполнении героини Раузы в повести – одна из значимых:

Шәшкеләргә китеп вафат булды,

Калды ғәзиз башым йәш көйгә (досл.: Ушел за бобром и погиб, оставив меня одну молодую) [16, с. 41].

Безусловно, родная природа, люди, их обычаи и нравы, народное творчество «созидают» личность. Образное описание реальности выдвигает особые требования. И в живописи, и в литературе значительное место уделяется изобразительным средствам языка. Знание изобразительных средств крайне важно как для писателя, так и для литературоведа: оно позволяет глубже проникнуть в природу литературы. Благодаря этим поэтическим приемам содержание произведения обогащается эмоционально-красочными оттенками.

Итак, в рассмотренных примерах мы отметили, что семья для башкирского народа является главным богатством в обществе. Такие лексические составляющие концепта, как «ил» («Родина»), «мөхәббәт» («любовь»), «бәхет» («счастье») и т.д., духовно и культурно взаимосвязаны. Ценностные понятия отражают ментальные особенности народа, где почитание и сохранение родственных связей, родословной, семейных отношений башкирского народа передаются из поколения в поколение.

Таким образом, языковая личность в когнитивной лингвистике на примере произведения Мустая Карима «Долгое-долгое детство» («Озон-озак бала сак») исследуется через языковые единицы – фольклорно-диалектные, фразеологические компоненты, пословицы и поговорки, которые позволяют автору изобразить национальный характер башкирского народа во всей глубине. Приведенные примеры раскрывают мировоззрение, миропонимание, внутренний мир героев, тем самым отражая их социально-бытовые и национальные характеристики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование. Волгоград: Перемена, 2003. 96 с.
2. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: изд-во Воронежского государственного университета, 1996. 104 с.
3. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 528 с.
4. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: «Индрик», 2007. 600 с.
5. Богин Г. И. Типология понимания текста. Калинин: КГУ, 1986. 86 с.
6. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993. 232 с.
7. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
8. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М., 2003. 512 с.
9. Воробьев В. В. Лингвокультурология: Теория и методы. М.: изд-во Российск. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.
10. Гимашева Г. М. Лингвокультурный анализ концептов «Отец» («Ата») и «Сын» («Ул») в современном башкирском языкознании (на мат-ле произведения «Салават» Мустая Карима) // Ежеквартальный научный журнал «Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики» ФГБОУ ВО «Северо-Осетинского государственного ун-та им. К. Л. Хетагурова». Т. 4. 2018. С. 62–67.
11. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
12. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 450 с.
13. Зайнуллин М. В., Зайнуллина Л. М. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. 204 с.
14. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
15. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
16. Кәрим М. С. Озон-озак бала сак. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1981. 296 б.
17. Красных В. В. Коммуникативный акт и его структура // Функциональные исследования: сб. ст. по лингвистике. Вып. 4. 1997. С. 34–49.
18. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Наука, 1997. 245 с.
19. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология. М.: «Academia», 1997. 282 с.
20. Саньярова Р. Р. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. №1. С. 132–135.
21. Саньяров Ф. Б. Народный писатель Гайса Хусаинов как эмоциональная языковая личность // Проблемы востоковедения. 2015. №3(69). С. 68–72.
22. Саньяров Ф. Б., Рыскужина Р. И. Стилистические функции историзмов и архаизмов в исторической прозе и рассказах Г. Хусаинова // Актуальные проблемы современной татарской филологии: сб. статей Всерос. научно-практ. конф. 2014. С. 96–99.
23. Тозаева Ф. Б. Лингвокультурологические особенности приветствия в русском и таджикском языках // Вестник Таджикского нац. ун-та. Серия филол. наук. 2020. №7. С. 188–193.
24. Шустова С. В., Нагзибекова М. Б. Образ «вода» в русской лингвокультуре // Вестник Таджикского нац. ун-та. Серия филол. наук. 2020. №2. С. 127–133.
25. Хайруллина Р. Х., Воробьев В. В. Сопоставительная лингвокультурология и межкультурная коммуникация // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки: мат-лы VI Междунар. научно-практ. конф. Уфа, 2020. С. 166–172.
26. Хайруллина Р. Х. Универсальное и этническое в национальных лингвокультурах // Духовный мир мусульманских народов. Гуманистическое наследие просветителей в науке, культуре и образовании (XV Акумуляционные чтения). Мат-лы Междунар. научно-практ. конф. 2020. С. 233–236.

Поступила в редакцию 06.04.2021 г.

После доработки – 01.12.2021 г.

LINGUISTIC PERSONALITY IN COGNITIVE LINGUISTICS (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL “LONG-LONG CHILDHOOD” BY MUSTAI KARIM)

© G. M. Gimasheva

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

*Phone: +7 (347) 272 33 82.
Email: saginbaeva.guldaniya@mail.ru*

The authors of the article studied linguistic personality on the material of the novel “Long-long childhood” by Mustai Karim. On the basis of linguistic and cultural analysis, the nationality of M. Karim’s work was studied as an expression of national identity, connected with the folk-colloquial paradigm, which is a fusion of folklore and dialect components that allow the writer to portray the Bashkir national character. There are many examples that reveal the inner world of the characters, as the writer actively uses artistic means from the arsenal of folklore imagery that perform the functions of social, household, national characteristics of the hero. Of course, folklore is an important source of enriching the content and poetic structure of the work of Mustai Karim. The writer’s attention to folklore is directly connected with the concept of nationality, with the desire to comprehend the depths of folk life and folk language. Native nature, people, their customs and folk art “create” a person. Mustai Karim’s prose is an in-depth study of the Bashkir character. As you know, the national character is revealed through the behavior and actions of a person. M. Karim for a more complete disclosure of the spiritual development of the hero uses special composition-builds of short stories to trace the stages of his formation as a person. The separate stories of dozens of personalities in the novel “Long-long childhood” are united into one whole by the hero of the story Kendek (in the meaning “navel”, “umbilical cord”), which is the center of philosophical and psychological evaluation of events and actions of people around them. Throughout the entire novel, M. Karim’s Kendek constantly analyzes life and acts as a source of events.

Keywords: cultural linguistics, linguistic personality, cognitive linguistics, Bashkir linguistics, Mustai Karim, mentality.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Alefirenko N. F. Problemy verbalizatsii kontsepta: Teoreticheskoe issledovanie [Problems of concept verbalization: Theoretical study]. Volgograd: Peremena, 2003.
2. Babushkin A. P. Tipy kontseptov v leksiko-frazeo-logicheskoi semantike yazyka [Types of concepts in the lexico-phraseological semantics of the language]. Voronezh: izd-vo Voro-nezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 1996.
3. Bartmin'skii E. Yazykovoi obraz mira: ocherki po etnolingvistike [Linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics]. Moscow: Indrik, 2005.
4. Berezovich E. L. Yazyk i traditsionnaya kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniya [Language and traditional culture: Ethnolinguistic studies]. Moscow: «Indrik», 2007.
5. Bogin G. I. Tipologiya ponimaniya teksta [Typology of text comprehension]. Kalinin: KGU, 1986.
6. Weisgerber L. Rodnoi yazyk i formirovanie dukkha [Mother tongue and the formation of the spirit]. Moscow, 1993.
7. Vezhbitskaya A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov [Understanding cultures through keywords]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001.
8. Vorkachev S. G. Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. No. 24. Moscow, 2003.
9. Vorob'ev V. V. Lingvokul'turologiya: Teoriya i metody [Linguoculturology: Theory and methods]. Moscow: izd-vo Rossiisk. un-ta druzhby narodov, 1997.
10. Gimasheva G. M. Ezhekvtartal'nyi nauchnyi zhurnal «Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki» FGBOU VO «Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo un-ta im. K. L. Khetagurova». Vol. 4. 2018. Pp. 62–67.
11. Humboldt W. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu [Selected Works on Linguistics]. Moscow: Progress, 1984.
12. Humboldt W. Yazyk i filosofiya kul'tury [Language and philosophy of culture]. Moscow: Progress, 1985.
13. Zainullin M. V., Zainullina L. M. Lingvokul'turologiya i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [linguoculturology and intercultural communication]. Ufa: RITs BashGU, 2014.
14. Karasik V. I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002.

15. Karaulov Yu. N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [The Russian language and linguistic personality]. Moscow: Nauka, 1987.
16. Kərim M. S. Оҙ on-оҙ аҡ бала саҡ. Өфө: Башҡортостан ҡитap nəshriəte, 1981.
17. Krasnykh V. V. Funktsional'nye issledovaniya: sb. st. po lingvistike. No. 4. 1997. Pp. 34–49.
18. Kubryakova E. S. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya [Parts of speech from a cognitive point of view]. Moscow: Nauka, 1997.
19. Likhachev D. S. Russkaya slovesnost'. Antologiya. Moscow: «Academia», 1997.
20. San'yarova R. R. Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2014. Vol. 19. No. 1. Pp. 132–135.
21. San'yarov F. B. Problemy vostokovedeniya. 2015. No. 3(69). Pp. 68–72.
22. San'yarov F. B., Ryskuzhina R. I. Aktual'nye problemy sovre-mennoi tatarskoi filologii: sb. statei Vseros. nauchno-prakt. konf. 2014. Pp. 96–99.
23. Tozaeva F. B. Vestnik Tadzhikskogo nats. un-ta. Seriya filol. nauk. 2020. No. 7. Pp. 188–193.
24. Shustova S. V., Nagzibekova M. B. Vestnik Tadzhikskogo nats. un-ta. Seriya filol. nauk. 2020. No. 2. Pp. 127–133.
25. Khairullina R. Kh., Vorob'ev V. V. Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiya sovremennoi gumanitarnoi nauki: mat-ly VI Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. Ufa, 2020. Pp. 166–172.
26. Khairullina R. Kh. Dukhovnyi mir musul'manskikh narodov. Gumanisticheskoe nasledie prosvetitelei v nauke, kul'ture i obrazovanii (XV Akmullinskie chteniya). Mat-ly Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. 2020. Pp. 233–236.

Received 06.04.2021.

Revised 01.12.2021.